

ДОВЕРИЕ ИЛИ СЕМЕЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ?

Игорь Витальевич Олин,

директор средней школы пгт Вахруши Слободского района
Кировской области

Наверное, мы всё-таки плохо знаем и мало изучаем, чем было наше учительство для народа на протяжении его истории...

Если рос, бывало, смысленный парнишка, хорошо учился, что о нём говорили взрослые? Вырастет – учителем будет. И это было высшей похвалой... Не было ничего более важного и нужного, чем та ежедневная, скромная, неприметная работа тысяч безвестных сеятелей на этой духовной ниве.

Я так думаю: в том, что мы сейчас есть как нация и граждане, главная заслуга сельских учителей.

Василь Быков «Обелиск»,
повесть написана в 1971 г.

Норма о возможности получать начальное, основное или среднее образование вне школы существует давно, но только сейчас она приобрела не исключительный, а уже довольно распространённый характер. Существует немало родительских клубов, объединяющих смельчаков, решивших бросить вызов классно-урочной системе. Волна дошла и до учебного заведения автора.

- доверие • семейное образование • качество образования • экзамен
- формальные показатели • радость

Семейная форма образования. Почему родители побежали из школы

Как представителю школьной системы, мне захотелось выяснить, что не устраивает родителей в государственных школах, заставляя их самостоятельно заниматься обучением детей. И вот какие аргументы я услышал.

Обязательные занятия препятствуют дополнительному образованию детей. В связи с недостатком мест в школах дети учатся то в первую, то во вторую смену, и когда эти переходы происходят, не получается подстроить расписание в спортивных, музыкальных, художественных

и других образовательных организациях, секциях, кружках. Хотя новый стандарт ввёл пять направлений внеурочной деятельности, но у школ, как правило, нет специалистов и ресурсов для её качественной реализации. Прежде всего, нет свободных помещений и специального оборудования, чтобы сделать «внеурочку» по-настоящему привлекательной. Она воспринимается как дополнительная нагрузка, которая отнимает время от более полезных и развивающих занятий.

Школьные классы зачастую переполнены, учителя перегружены, и в этих условиях нет подлинной индивидуализации обучения. Всё усреднено, поэтому особенно страдают дети с низким или

высоким уровнем развития. Индивидуальные потребности, особенности детей игнорируются, личность подавляется. Ученик должен быть «как все». К концу обучения школа ломает почти всех детей, у которых были существенные отклонения от заданной стандартной модели. Заложниками школьной системы, абсолютно лишённой гибкости, являются и дети, и педагоги.

Ввиду низких зарплат и иных причин часть учителей подвержена раннему «выгоранию». Они часто конфликтуют с учениками, не идут на контакт с родителями. Посещение некоторых уроков для ребёнка становится пыткой. Да и вообще ощущается, что в эпоху ЕГЭ многие педагоги работают лично на себя, не в команде, их больше интересуют личные достижения, а не общий результат. Для них ничего не существует за узкими рамками собственного предмета, они не удосуживаются разглядеть за учеником человека. Семейная форма образования позволяет уйти от неудобных учителей и обращаться только к тем, кто устраивает.

Обычная школа, как правило, ассоциируется с низким качеством образования. Причём хорошие результаты на экзаменах этот тезис не опровергают — для получения высоких баллов многие занимаются с репетиторами. Порою затраты на репетиторов сопоставимы с платой за частные школы. Бесплатное образование стало напоминать бесплатную медицину, оно лишь обозначает услугу, однако вовсе не гарантирует результат. Реальные знания и компетенции формируются за деньги во время, свободное от школы.

Низкое качество обучения в общеобразовательных классах во многом связано со слабой дисциплиной на уроках. Иногда учителя львиную долю времени тратят на борьбу за установление порядка, в итоге страдают дети, которые мотивированы на учёбу. Горячее стремление родителей отдать детей в лицей и гимназии во многом определено фактором, что учёба на занятиях там превалирует. Нарушителей дисциплины просто исключают,

тогда как массовая школа лишена подобного инструмента воздействия.

Родители недовольны качеством многих учебников: их неинтересно читать, они не содержат увлекательных заданий, перегружены специальной терминологией, массой малозначительных фактов, за которыми теряется главное. Порою дети не могут понять язык авторов, настолько он далёк от их возраста. В семье можно выбрать хорошие книги и пособия, источники информации, не отвлекаясь на безобразное изложение школьного учебника.

От детей не скроешь, что положение современного учителя не самое завидное. Чтобы выжить, он вынужден набирать огромную нагрузку, многое не успевает, делает второпях, формально. Профессия потеряла тот престиж, которым обладала в советское время. Кроме того, несмотря на многочисленные наработки в области дидактики, методики преподавания, часть учителей предпочитают пользоваться древними технологиями и не способны никак заинтересовать школьников.

Условия в массовой школе, начиная от внешнего вида зданий, оснащения помещений, зачастую не выдерживают никакой критики. На протяжении долгого периода обучения дети теряют здоровье от многочисленных стрессов, перегрузок, несоблюдения санитарных норм.

Иван Федотов, проректор РАНХиГС, к.э.н., на международном экономическом форуме 2019 г. высказался так: «У нас... отвратительные учителя, которые загнаны в чудовищные рамки. Они не способны в принципе к какой-либо трансформации. Вспомните, пожалуйста, школы, куда ходят ваши дети. Там от 1 до 5 звёздных учителей, к которым все хотят попасть, а остальные — это серая масса закомплексованных неудачников, которые не в состоянии в принципе развиваться. И чему они могут научить наших детей?» Это заявление вызвало справедливое негодование. Но, самое печальное,

от нескольких моих респондентов я услышал, может быть, более выдержанные, но, по сути, те же претензии: учителя нередко не знают детской психологии, не умеют разговаривать с родителями, не желают заниматься самообразованием, кто-то даже отметил низкую культуру части педагогов, их невоспитанность и склочность.

Справедливы ли эти обвинения? Я бы, может, и хотел сказать, что нет. Однако нужны ли объяснения людям, которые готовы на серьёзные жертвы, отказываясь от школы как необходимого им института?

Впрочем, можно вообще отмахнуться, ведь позволить себе семейную форму обучения могут лишь те, кому не приходится целыми днями пропадать на работе. Рано или поздно перед семьёй возникнут вопросы, как быть с ведущим видом деятельности подростка — общением, как быть с социализацией, умением работать в команде, желанием реализоваться в коллективе, среде сверстников? Но это не успокаивает. Очевидно, что школа стала отставать от требований, которые предъявляет время. Сможет ли она в принципе функционировать, если представить, что её посещение сделали не обязательным?

Возможно, национальный проект «Образование» мог бы вернуть авторитет школы, но насколько провозглашённые им цели соотносятся с перечисленными проблемами и соотносятся ли?

ЕГЭ есть сапог чиновника на груди поверженного образования

У нас сейчас все забыли, для чего вводился единый государственный экзамен. К началу третьего тысячелетия состояние обновлённого российского общества было таково, что приёмные комиссии вузов почти повсеместно стали коррупционными ячейками, торговавшими правом на бесплатное высшее образование. Тогда же в школах появилось большое число медалистов-льготников, которые ошибались в таблице умножения и двух слов связать не могли. Была предложена схема, позволявшая разрубить этот gordiev узел, и она весьма успешно работала (если не считать опыт южных республик с заносом за мзду выполненных заданий).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Только к реальному образованию ЕГЭ не имеет прямого отношения. Это хирургический инструмент, и признаком выздоровления должен стать полный и безоговорочный отказ от него.

ЕГЭ есть апофеоз недоверия к системе образования вообще и к учителю и ребёнку в частности. Безусловно, эта форма итоговой аттестации сыграла свою роль в формировании негативного отношения к современной школе, плоды которого мы пожинаем в виде постоянных конфликтов между родителями и школьными администрациями, учителями и учениками. Принимаемые государством меры по «совершенствованию» лишь способствуют углублению кризиса недоверия к образовательным организациям.

Школы на время экзаменов превращаются в неприступные крепости с видеонаблюдением и согласдателями в аудиториях и коридорах, металлодетекторами на входе. ЕГЭ окружает атмосфера тревоги и страха: перед жёсткими правилами вплоть до сопровождения в туалет; перед заданиями, которые не предполагают личного мнения; перед техническими ошибками при заполнении листа с ответами; перед ручками, чернила которых сканер может не считать. В 2019 г. дошло до того, что выпускники стали умирать прямо на экзамене. Однако никакие жертвы ЕГЭ-изаторов не смущают.

Однако самые большие вопросы остаются к содержанию экзамена. Его довольно верно характеризуют слова Сухомлинского, хотя и сказанные по другому поводу: «Втискивая в голову детям готовые истины, обобщения, умозаключения, учитель подчас не даёт ребятам возможности даже приблизиться к источнику мысли и живого слова, связывает крылья мечты, фантазии, творчества. Из живого, активного, деятельного существа ребёнок нередко превращается как бы в запоминающее

устройство...». Запоминающее устройство, владеющее на всё известными правильными ответами — вот та идеальная модель выпускника, что формируется системой единого экзамена.

Получить сегодня 100 баллов по русскому языку, может быть, позволяет различать обстоятельства уступки и обстоятельства обстановки, но вовсе не означает безупречно грамотного правописания. Экзамен по литературе требует от выпускника, как выражается наш учитель-филолог, «исправного» сочинения, а литературный талант баллов не добавляет. Что означают 100 баллов на экзамене по истории — отсутствие в науке дискуссионных вопросов, отсутствие возможности видеть иные причины и следствия событий, приводить не общепринятую аргументацию? Служит такая история жизни или она «мусорная свалка» из фактов? Во что превратилась прекрасная дисциплина «обществознание», если дети из урока в урок вместо того, чтобы говорить, излагать, вести диспут, сопоставлять теории с окружающей жизнью, мучительно упражняются в запоминании колоссального количества терминов и пишут тесты, пишут, пишут, пишут?

Преподаватели вузов стали говорить о столкновении с поколением ЕГЭ. Студенты требуют стройных алгоритмов, правильных ответов, им крайне трудно перестроиться и сообразить, что чаще всего к оптимальному результату нужно продираться через тернии гипотез и версий. Журналисты устают искать для интервью молодых людей, способных к монологической речи. Кроме того, ЕГЭ воспитывает крайний индивидуализм, ориентирует исключительно на собственный успех, тогда как в трудовом коллективе, большом или малом, нужны навыки командной работы, учёт сильных и слабых сторон каждого, взаимопомощь и солидарность.

Конечно, нельзя умалять достижения «стобалльников». Эти ребята умеют учиться, обладают отличными способностями. Однако, полагаю, в любой иной системе координат

многие из них могли бы добиться не меньшего, а большего. ЕГЭ в первую очередь ориентирует на проверку памяти и стандартного мышления. Стимулирует выращивание не творцов, а ответственных исполнителей, не преобразователей, а послушных винтиков-потребителей. Развивает не критическое, а скорее догматическое мышление.

Впрочем, ЕГЭ — это венец всей административно-командной системы, выстроенной в школьном образовании. Современная школа с её чуть ли не армейской дисциплиной не место, где следует думать (как отечественный парламент не место для дискуссий), где главное достоинство и директора, и педагога, и ученика — своевременное исполнение приказов. Прямо воплощённая мечта российского чиновника-бюрократа, поставленного над всей этой машиной с удобным числовым контрольно-измерительным прибором. И если мэр города — круглый дурак, то после публикации результатов экзаменов он начинает размахивать средними баллами по учреждениям и переходит к оргвыводам. Отбери у него эту дубинку, и он встанет перед серой пустотой, пришибленный, не зная, куда и кого вести. Так и авторитет власти пошатнуться может.

Беда современной школы в торжестве педагогики формальных показателей

Во Всемирной сети можно встретить 5-серийный документальный фильм «История российского учительства» (да, такие ленты ещё снимают, хотя их никто почти и не смотрит). По моему мнению, его авторы высказали глубокую мысль, объясняющую многочисленные острые проблемы, возникшие сейчас в школьном образовании.

На протяжении всей истории отечественной педагогики прослеживается конфликт между двумя основными её направлениями.

С одной стороны, гуманистическая педагогика, для которой главное — растить в ребёнке человека. Краеугольный камень такого подхода — развитие духовности, благодаря чему происходит становление и формирование многогранной личности. Другое направление — педагогика формальных показателей, где ключевую роль играют отметка, общая успеваемость, баллы, школьная форма, дисциплина.

На мой взгляд, в современной российской школе полностью восторжествовала как раз педагогика формальных показателей. Она очень удобна и практична для государства, так как позволяет ввести внешне понятные методы количественного контроля, соотнести итоговые проценты и средние баллы с подготовкой хороших специалистов, которые будут обеспечивать научно-технический прогресс и конкурентоспособность державы. Однако именно излишний прагматизм и отказ от гуманистических традиций подорвал доверие к школе.

Рисуемый сегодня идеальный образ учителя — это учёный субъект, обладающий академическими познаниями и передающий их ученикам. Аксиологический компонент (связанный с ценностями) сведён к минимуму или отсутствует. Не случайно возникают прогнозы, что такого учителя в будущем легко заменит компьютер. Машина может вместить гораздо больше информации и тестировать будет точнее. Однако компьютер вряд ли сможет учить доброму и вечному, что в современной школе с точки зрения формальных показателей уже не очень нужно, во всяком случае никак не оценивается процедурами ЕГЭ, ОГЭ, ВПР, олимпиадами и др.

Учитель в гуманистической традиции прежде всего носитель нравственных ценностей. Он побуждает детей к размышлениям о чести, совести, достоинстве, без чего невозможно гражданское самосознание. Учитель развивает человеческое в человеке, творит человека, а потому и сам «отдаёт сердце детям» — эта фраза была крылатой, любимой в педагогической среде 1970–90-х годов, и она была вполне искренней. Учительство воспринималось не просто как работа, а служение.

В такой традиции, например, были популярны занятия по истории «Суд над Иваном Гроз-

ным (Петром Первым, Робеспьером)», дискуссии, уроки-размышления. Не сказать, что сегодня они в принципе невозможны, но предложенные программы объём и темп изучаемого материала превращают их в исключения. Кроме того, высвободившиеся минутки учителю предпочтительнее посвящать решению заданий экзаменационного типа, ведь именно это и только это с него будут спрашивать.

В гуманистической традиции школа лояльна к индивидуальным особенностям ученика. Да, и в советское время существовала «двойка», её можно считать аналогом розги дореволюционной поры. Однако в учительской среде общепринятым было правило поставить «три» за старание. Если педагогический коллектив понимал, что для обучения ребёнка сделано всё, все резервы задействованы, но математика (или физкультура) ему так и не даются, то отметку натягивали. При этом ничьё место такой выпускник не занимал, но уходил из школы без душевной травмы и потом всю жизнь проходил мимо, не плюя в её сторону.

У педагогов были большие возможности варьирования учебным материалом и темпами его освоения. Приведу такой пример из собственной школьной жизни. С 5-й по 11-й класс каждый сентябрь мы работали в колхозе на уборке урожая, зимой заготавливали лапку, весной перебирали овощи в хранилище, в течение года помогали телятницам. Таким образом, за период обучения в целом выпал почти целый учебный год, тогда как сегодня за несколько непроведённых занятий — «расстрел» от Росброднадзора. Но тогда на выходе сельские школьники были полноценными выпускниками, которые поступали в профессиональные учебные заведения наравне с городскими, не уступая им.

Сейчас же, несмотря на множество красивых деклараций об индивидуализации,

адаптированных образовательных программах, «двойка» стала беспощадной пlectью, которая калечит души и детей, и педагогов. Только в 2019 г. около 400 девятиклассников Кировской области не получили аттестаты об основном общем образовании, не пройдя итоговую аттестацию в форме ОГЭ. По стране — многие тысячи. Тесно познакомившись с требованиями контрольно-измерительных материалов, лично я не готов утверждать, что они действительно стоят «слезинки ребёнка».

Стандарты и учебные программы исходят из того, что все дети обязаны соответствовать предлагаемым ими темпам освоения содержания образования. Если ранее изучали «Евгения Онегина» 8 уроков, сейчас — 2; если тратили на разбор «Капитанской дочки» полтора месяца, теперь — полторы недели. На изучение Блока — 1 час, Ахматовой — 1 час, на весь Серебряный век русской культуры — 1 час! Когда в этой гонке полюбить поэзию? Парадокс в том, что в существующей системе аттестации никому и не надо, чтобы ребёнок почувствовал красоту стиха и попробовал сам сочинить, подобрать метафору, спрашивать будут, кто автор, написано ямбом или хореем. Между тем «Никто не знает, что важнее для ребёнка: логический мир, зажатый в чёрной классной доске, или тот мир, который плывёт за окном» (Януш Корчак).

В СССР при разработке программ отдельных предметов научные коллективы знали и учитывали требования всех остальных дисциплин. В течение года была возможность проводить бинарные (сдвоенные) уроки, п.ч. темы, к примеру, по истории и литературе дополняли друг друга. А главное, было понимание общей картины школьного образования, соответствия его содержания в целом возрастным особенностям учащихся.

Сегодня такой работы, похоже, никто не ведёт. Нет никаких комплексных исследований, насколько вообще школьная нагрузка (уроки и обязательная «внеурочка»),

домашние задания) укладывается в санитарные, медицинские, физиологические нормы. Есть лишь гул возмущения, что дети перегружены (добавим к этому репетиторство, подготовку и самоподготовку к конкурсам и олимпиадам, ОГЭ и ЕГЭ). Есть отличники с невероятной трудоспособностью, занимающиеся практически ежедневно до полуночи. После школы немалая их часть уже похожа на выжатые лимоны. Есть те многие дети, кто от неестественного перенапряжения просто перестают учиться, часть их них бросает школу, часть её ненавидит.

Педагоги-новаторы 1960–70-х (и потом всплеск перестроечной поры — Амонашвили, Шаталов, Ильин, Каракровский) предлагали выстраивать в школе как можно более естественную среду для детей. Сухомлинский говорил о «школе радости», постоянно бывал с учениками на природе, пользовался свободным расписанием и не составлял детальных планов на каждый день. Замечу, что в авторитарном СССР Сухомлинскому было непросто, но он 33 года отработал в Павильской средней школе, а в современной России ему места бы не нашлось — не дали бы поработать и года. Не будет большим преувеличением сказать, что после Сухомлинского были приняты тысячи инструкций, которые сделали невозможным повторение его опыта.

Профессор Игорь Петрович Иванов, автор «педагогики общей заботы», который работал в Ленинграде в конце 1950-х и в 1960-х годах, пытался организовать деятельность детей так, чтобы они чувствовали себя хозяевами собственной жизни: ставили цели, помогали друг другу, оценивали действия и поступки, предвосхищали будущие результаты. В результате в процессе общественно значимой деятельности они начинали понимать, что такое хорошо, что такое плохо, что такое товарищество и дух свободного творчества. Ведь воспитывают, как правило, не слова, а совместная, общественно значимая деятельность детей и взрослых, школьная атмосфера.

А что воспитывает бесконечное натаскивание на ЕГЭ?

Подводя итоги, резюмирую:

- падение доверия к институту школы — это не вина отдельных («ленивых», «малообразованных», «бескультурных») учителей; это следствие самой системы, отказавшейся от гуманистических традиций, абсолютизовавшей педагогику формальных показателей;
- назрело реформирование школьного образования: прежде всего отказ от мелочной регламентации и тотального контроля за деятельностью педагогов, возвращение в профессию свободы творчества;

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- устранение разрыва между замечательными декларациями стандарта о развитии личностных и метапредметных компетенций и условиями ЕГЭ как главного результата выпускника, остающегося исключительно предметным;
- возврат к идеям «школы радости», путь к подлинной индивидуализации обучения (в том числе в объёмах содержания и темпах освоения знаний);
- пересмотр учебных программ, устранение избыточности материала, их большая вариативность. **НО**

Trust Or Family Learning?

Igor V. Olin, Director of the Vakhrushki Secondary School, Sloboda District, Kirov Region

Abstract. *The outflow of students from educational institutions. Transition to family education. Reasons for the transition. The exam and the school of formal indicators — emasculating the meaning of pedagogical work.*

Keywords: *trust, family education, quality of education, exam, formal indicators, joy.*